

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В
ОБОЗНАЧЕНИИ ВРЕМЕНИ В БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ И
СЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ КАРПАТ**

Михаил КОНДРАТЕНКО

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Россия

E-mail: mmkondratenko@gmail.com

**LEXICAL AND SEMANTIC PARALLELS IN THE DESIGNATION OF TIME
IN THE BULGARIAN DIALECTS AND THE SLAVIC DIALECTS OF THE CARPATHIANS**

Mikhail KONDRATENKO

Yaroslavl State Pedagogical University, Russia

E-mail: mmkondratenko@gmail.com

ABSTRACT: The article examines the peculiarities of the designation of time periods in the Bulgarian dialects and in the Ukrainian dialects of the Carpathian region, mainly from the point of view of the specifics of dialect segmentation of this semantic sphere and the principles of nomination. The lexical material of the Ukrainian dialects of the Carpathians and dialects of the Bulgarian language allows us to identify within the framework of the article some semantic models and shifts that exist in time designations: orientation in the names of months to phenological cycles and periods of work; perception of the concept of "time" displayed by vocabulary as a favorable or unfavorable time for any activity or life in general; nomination of morning as the appearance of daylight or a period of time slightly removed in the past from the moment of speech; borrowings are also noted as part of the vocabulary denoting time in its various manifestations. Based on the analysis of dictionaries of the Carpathian-Ukrainian and Bulgarian dialects, it is concluded that this vocabulary represents semantic models of names of time periods that have parallels in other Slavic and some non-Slavic languages. Taking into account the wide distribution in the linguistic territory of Slavia, as well as beyond its borders, it is possible to assume the status of these models as semantic archetypes, represented in their totality in the Carpathian-Ukrainian and Bulgarian dialects.

KEYWORDS: the concept of time in Slavic dialects, Ukrainian dialects in the Carpathian region, Bulgarian dialects, nomination principles, lexical and semantic isoglosses, semantic shifts

Лексика карпатского региона представляет собой большую ценность для славистики. Один из опытов дефиниции понятия „карпатизм“ был представлен в статье М. Стаховского, который в состав языков карпатского региона включает как ряд славянских языков (словацкий, польский, украинский, чешский), так и неславянских (венгерский, молдавский, румынский) и дискутирует о статусе лингвистического материала языков, удаленных в географическом отношении от Карпат, но представленных своими языковыми единицами в этом регионе (Stachowski, 2004, s. 180). Огромный интерес вызывает при этом болгарская лексика. Исследование болгаро-карпатских лексических взаимосвязей может внести большой вклад в решение задач семантической типологии, а именно: в практику различения случаев, с одной стороны, лексического или семантического заимствования, с другой - параллельного семантического развития языковых единиц, обусловленного их генетической общностью и наличием в них сходных моделей сдвигов лексического значения. Кроме того, используемый материал может содействовать прояснению миграционной истории предков современных болгарских славян. О наличии в Карпатском бассейне (в широком понимании географического аспекта этого региона, включая районы Венгрии) говоров болгарского типа писал, в частности А. Золтан:

„... прасл. *рекъть > др.-болг. реѣть > венг. pest ‘печь, пещера’, а также топоним Pest – ныне левобережная часть Будапешта. Это слово в венгерском является не только фонетическим, но и семантическим болгаризмом. Рефлексы праславянского *рекъть существуют, правда, во всех славянских языках, но только в значении ‘печь’, значение ‘пещера’ имеется только в болгарском: пещ ‘печь; пещера’, ср. также в древнеболгарском: реѣть 1. ‘печь’; 2. ‘пещера’“ (Золтан, 2013, с. 213).

Исследования как украино-болгарских (украино-балканских) лексических связей, так и общности духовной культуры регионов Карпат и Балкан имеют давнюю историю. Из новых трудов, посвященных этой теме, можно назвать работы Т. А. Агапкиной в области вербальной магии (Агапкина, 2016), М.М. Валенцовой по народной мифологической лексике (Валенцова, 2012) и А.В. Гуры по лексике свадебной обрядности (Гура, 2013); одну из лексических групп на украинском и болгарском материале анализируют И. Держански и О. Сирук (Держански, Сирук, 2017).

В настоящей статье используются данные только некоторых карпатских украинских говоров (бойковских, гуцульских, закарпатских и поднестровских), а также различных болгарских. Описываемые семантические явления могут не иметь эксклюзивного болгаро-карпатоукраинского характера и быть известны также другим славянским идиомам, но их констатация имеет большое значение, так как болгаро-карпатские контакты в силу древности могут быть маркером семантических архетипов, представленных в других языках Славии, а также за ее пределами.

Для анализа были выбраны обозначения времени. Эта лексика относится к разряду отвлеченной, что с определенной точки зрения более целесообразно для сопоставительного анализа, а именно: в отличие от конкретной лексики она, с одной стороны, в меньшей степени „этнографична“, то есть не соотносится лишь с региональными специфическими реалиями, и, с другой стороны, позволяет выделить в сравниваемых лексемах общее семантическое ядро, на основе которого и производится сравнение.

Семантические оппозиции затрагивают такие особенности диалектной номинации, как 1) специфику сегментации внеязыковой действительности; 2) семантическую мотивацию наименования, а также некоторые иные, в частности 3) использование исконной или заимствованной лексики.

Количество лексических схождений в болгарских и карпатоукраинских говорах в различных тематических группах довольно велико. К ним можно отнести такие лексические параллели, как болгарская лексема *сгурия* ‘шлак, остатки чего-то сгоревшего’ и поднестровская *згура* ‘осадок сажи’ (Шило, 2008, с. 127). Согласно Болгарскому этимологическому словарю (БЕР, V, с. 570), это заимствование из новогреческого *σκούρια*, оно представлено также в румынском, арумынском (*zgură*) и албанском (*zгурë*) языках. Очевидно, в украинские карпатские говоры это слово попало через посредничество румынского, что подтверждается Этимологическим словарем украинского языка (ЕСУМ, II, с. 254) с пометой „из молдавского“.

Аналогичную ситуацию можно обнаружить, сопоставляя болгарскую лексему *зестра* и гуцульскую *дзестри* ‘приданое’ (Гуц., 1997, с. 59). Эта параллель подтверждается в Болгарском этимологическом словаре (БЕР, I, с. 636) с указанием на соответствия в румынском *zestre* и в арумынском *zestră*, в Этимологическом словаре украинского языка отмечено восточнороманское происхождение (ЕСУМ, II, с. 58).

Для болгарского слова *тrepетлика* и восточно-бойковского *тrepëта* ‘осина’ (Николаев, Толстая, 2001, с. 214) Этимологический словарь украинского языка приводит словенскую параллель *trepetlika* (ЕСУМ, V, с. 630).

Подобных соответствий существует достаточно большое количество. Они образуют изоглоссы, связывающие различные центральные и периферийные зоны Славии. Например, болг. *плитко* ‘мелко’ и закарп. *plytká r'íká* ‘горная мелкая и бурная речка’ (Николаев, Толстая, 2001, с. 147) входят в более обширный ареал, охватывающий словенский, восточнославянские (русский, белорусский), западнославянские (чешский, словацкий, кашубский) языки (БЕР, III, с. 356; ЕСУМ, III, с. 447).

Немало примеров лексических и семантических взаимосвязей открывается в одной из самых важных тематических групп лексики – в обозначениях времени.

Пожалуй, наиболее часто констатируемой семантической моделью, характерной для именования времени, является перенос временных параметров на номинации пространственных и наоборот. Так, в родопских говорах Болгарии фиксируется лексема *лëто* ‘лето’ и ‘расстояние между стеблями, по которым измеряют возраст растения’ (Стойчев, 1965, с. 199), в гуцульских говорах отмечено аналогичное наименование *лита* ‘годовые кольца на срезе дерева’ (Гуц., 1997, с. 113).

Использование лексики, обозначающей время и его периоды, для феноменов другой понятийной сферы относится к распространенным семантическим явлениям, в частности: в поднестриевских украинских говорах можно упомянуть лексемы *назимок* ‘поросенок, откормленный на зиму’ *річнэк, річняк* ‘годовалый конь’ (Шило, 2008, с. 182, с. 229), в болгарских родопских говорах – *безвремче* ‘преждевременно оплодотворенный скот’ (Стойчев, 1970, с. 155).

К лексическим совпадениям в карпатоукраинских и болгарских говорах относятся некоторые обозначения сегодняшнего дня, фиксирующие актуальное положение говорящего на оси времени, то есть в той точке, от которой осуществляется отсчет различных моментов или интервалов в прошлом и будущем. Это болг. *нине* ‘сейчас’ (БЕР, 4, с. 651) и поднестр. *ниніка, нинька* ‘сегодня’ (Шило, 2008, с. 185), гуц. *нинічк’и, нинька, ниньк’и* ‘сегодня, теперь’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 116); болг. *днес* ‘сегодня’ и закарп. *днесь* ‘сегодня’ (*днис’ мош косити, бо буде година*) (Сабадош, 2008, с. 66).

Из параллельных наименований можно отметить также номинации вечера как времени суток, мотивированные их предшествованием ночи (в чем, видимо, проявляется более древнее деление суток на два периода – день и ночь, равно как и года – на лето и зиму): болг. *сноци* ‘вчера вечером’ и в этом же значении поднестр. *сночи* (Шило, 2008, с. 243), бойк. *сноці* (Николаев, Толстая, 2001, с. 131), гуц. *сночі (сноче), снічний* ‘со вчерашнего вечера’ (*снічна зима не ростала*) (Гуц., 1997, с. 174).

В обозначениях недалекого будущего для болгарских и карпатоукраинских говорах характерно использование корня **bav-*: болг. *незабавно* ‘незамедлительно’, ‘немедленно’ и *небавом* ‘вскоре’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 115).

Помимо лексических параллелей в болгарских и карпатоукраинских говорах отмечено немало общих семантических феноменов, свидетельствующих о закономерностях процессов и результатов славянской номинации.

К ним можно отнести несовпадение или частичное совпадение астрономических месяцев и соответствующих им периодов времени народного календаря, которые в большей степени ориентируются на фенологические сезоны. Так, в болгарских говорах одна и та же мотивация присуща наименованиям периода времени, который ассоциируется то с мартом, то с апрелем: *лъжитрев* ‘апрель’ и *лъжко* ‘март’ (в древнеболгарском) (Koseska-Toszewa, 1972, s. 75). Аналогично в гуцульских говорах: *марец, марот* ‘апрель’, *мартовий* ‘апрельский’; *падолист* ‘октябрь’ и ‘ноябрь’ (Гуц., 1997, с. 120, 143), *марот* ‘апрельская смена погоды, март’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 99). На особое восприятие марта как окончания зимы и начала весны и его роль в хозяйственной деятельности славян указывают и некоторые наименования периодов времени в марте в болгарских родопских говорах: *заемни дене* ‘последние три дня февраля, отданные февралем марту, во время которых он взбесился и уморил скот’ (Стойчев, 1970 с. 171) и *бабини дене* ‘последние два дня марта, которые он занял у февраля’ (Стойчев, 1965, с. 125); та же тенденция проявляется в мотивации значения одного из месяцев, который соотносится то с сентябрем, то с октябрем: *кратун* ‘месяц, во время которого ферментируется вино’ (Стойчев, 1965, с. 193).

Болгарские и карпатоукраинские примеры свидетельствуют о таком славянском семантическом архетипе, как восприятие времени в качестве поры, благоприятной или неблагоприятной для разных аспектов жизни человека, а также о феномене отсутствия, исчезновения времени как проявления невозможности существовать в этом мире или делать что-то. Об этом говорят, в частности, случаи употребления лексемы *час* (рефлекс праславянского **časъ*) в гуцульских говорах: *час* в значении ‘пора’ (*як зазуля кукає по часови на хаки, то хтось у ці хаки умре*) (Гуц., 1997, с. 209); *чэсовий, чісний* ‘тот, кому пришла пора умирать’ (*бисти соб і знали, шо умирайе не молодий, не старий, а чісний*) (Гуц., 1997, с. 212). Отсутствие времени расценивается в лексике этих говоров как преждевременность: *бесчісу* ‘преждевременно’ (Гуц., 1997, с. 24), *дочасний* ‘преждевременный’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 50); в закарпатских говорах отмечена лексема *дочасу* ‘своевременно’ (*прийшлам на гостину дочасу*), указывающая на соответствие подходящему моменту времени (Сабадош, 2008, с. 77).

Для сравнения можно привести лексемы *безвремче* ‘преждевременно оплодотворенный скот’ и *почес* (*ева почес, тогази ше своршимо работа*) ‘после, позже’ в болгарских родопских говорах (Стойчев, 1970, с. 155, 200). В одном из заимствований в родопских говорах пора (*ваде*

‘срок, пора’) отождествляется с участием человека: *дойде ли му вад’ота, трева да са плата* (Стойчев, 1965, с. 135). На древний характер этой семантической модели указывают параллели в других славянских языках: *каму прышло врэм’я – умирая, а не будзя пара – паздаравя, умирая не стары, а паравы* в северо-западных белорусских говорах (СБГ, 5, с. 208), а также *корова на времени* ‘в последний период перед отелом’, *невремя* – ‘некогда’ в ярославских говорах (ЯОС, 6, с. 76, 127), *ћесасну р’од* ‘преждевременные роды’ в нижнелужицких говорах (Мука, II, с. 142). Учитывая устойчивую атрибутику времени как чего-то „бегущего, идущего“ к этой же группе примеров можно отнести гуц. *збіглий* ‘преждевременно родившийся’ (о ребенке) (*збігла дитина*) (Піпаш, Галас, 2005, с. 66).

Пора может быть надлежащим временем для сельскохозяйственных работ, одной из которых является косьба: в поднестр. говорах *кізьба* ‘пора косьбы’ (*зач’елас і кізьба*) (Шило, 2008, с. 141), в гуц. *сінокос, сінокоси* ‘пора и место сенокоса’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 174); в болгарских говорах *сенокос* ‘июль’, то есть месяц сенокоса (Koseska-Toszewa, 1972, s. 82), *коса* ‘время, во время которого косят на лугах’ (Стойчев, 1965, с. 191). Подобные лексемы не всегда обладают значением периодов времени, однако, исходя из толкования, вытекающего из контекста, можно утверждать, что они обозначают не только разновидность работ, но и соответствующую пору, служащую ориентиром на временной оси. Такую же сложность представляет интерпретация дней народного календаря. Учитывая их роль маркеров, знаменующих переход одного периода (и даже типа) времени в другое (например, смену благоприятных и неблагоприятных фенологических сезонов, времен года), имеет смысл рассматривать подобные номинации в одном ряду с лексикой, несомненно обладающей значением времени. В данной группе слов также наблюдаются некоторые семантические модели, в частности: ‘основной праздник — второй (малый) праздник’, представленная в парах *перша богородиця / перша матка* ‘Успение Пресвятой Богородицы’ (28.08.) — *друга богородиця / друга матка* ‘Рождество Пресвятой Богородицы’ (21.09.) (Гуц., 1997, с. 27). Этот семантический сдвиг представлен и в болгарских родопских названиях праздников Богородицы 28 августа и 21 сентября: *големата чорква* (Стойчев, 1965, с. 146) и *малката чорква* (Стойчев, 1965, с. 203); кроме того, в нижнелужицких говорах: *male jatšy* ‘малая Пасха, следующая за обычной’ (Мука, I, 1966, s. 536). О широкой распространенности данной семантической оппозиции говорит ее представленность в верхнемецких диалектах: *Kleinneujahr* (буквально: малый Новый год, то есть день Трех Королей, следующий за Новым годом) (WMF, 2000, S. 103).

Деление времени на рабочее и нерабочее также является одной из его характеристик: в гуцульских говорах выделяются *бу’день* ‘будень, рабочий день’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 18), *денька* ‘рабочий день, ежедневная работа’ (*йак хочеш молотити – на міру, ци на деньку*), *денькувати* ‘работать ежедневно’ (Гуц., 1997, с. 56). Интерпретация понятия „день“ как периода времени для работы встречается и в болгарских говорах: *катаден*: одновременно ‘рабочий день’ и ‘каждый день’ (Стойчев, 1965, с. 182). При этом *ден* имеет значение ‘праздник’: *имам си дрипи и за ден` и за ката ден`* (Стойчев, 1965, с. 151). Таким образом, лексика болгарских и карпатоукраинских говоров передает восприятие рабочего времени как повседневности. Наряду с этим в болгарских говорах противопоставление рабочих и нерабочих дней отражается в паре лексем *делник* ‘будний, рабочий день’ и *неделник* ‘праздничный, нерабочий день’ (Koseska-Toszewa, 1972, s. 67, 76). Лексика болгарских и карпатоукраинских говоров является важным источником для изучения вопроса о языковой интерпретации славянами такого периода времени, как утро. Здесь фиксируется несколько принципов номинации.

Одним из них является мотивация наименования наступления утра белым или серым цветом. Очевидно, тем самым по-разному определяется статус утра либо как начала дня, либо как окончания ночи. В поднестровских говорах фиксируются обозначения, мотивированные серым цветом: *сір’ити* ‘светать’ (*шчойно зач’ело с’ір’итит, а кусар’і п’ишли на с’інож’ета*) (Шило, 2008, с. 239), *шар’итися* (Шило, 2008, с. 278). Для болгарской языковой территории более характерна мотивация наступления этого времени суток белым цветом: *забела, забелява се, разбелва се* (Koseska, 1972, с. 69, 81). Глагол *забледнява се* (Стойчев, 1970, с. 170) также свидетельствует о наступлении белого дня.

Помимо этого типа семантической мотивации утра можно выделить еще три типа, характерных для исследуемых регионов. Следующий вариант связан с рефлексамипраславянского *zārjā. В поднестровских говорах это *зара* ‘рассвет’, *зор* (*зор б’э на день*)

‘рассветает’ (Шило, 2008, с. 130); *заріти* ‘рассветать’ (*вже зор’їє*) (Шило, 2008, с. 124), в гуцульских *назоріх* ‘на рассвете’ (Гуц., 1997, с. 129), *зор’ити* ‘рассветать’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 70), *на зор’их* ‘очень рано’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 107). В болгарских говорах: *разори се* ‘светает’ (Koseska-Toszewa, 1972, s. 69), *зора* ‘утро’ (Koseska-Toszewa, 1972, s. 72). Лексема *взоре* ‘завтра’ (Koseska-Toszewa, 1972, с. 66) отражает часто встречающуюся на славянской языковой территории семантическую связь между утром как временем суток и завтрашним днем.

Другая семантическая модель представляет утро как время дня, когда становится видно. В гуцульских говорах: *розвидати(си)* ‘светать, развидняться’ (*перший раз зор’їє, а потому розвідай(си)*) (Гуц., 1997, с. 164), *виднітис’ї* ‘рассветать’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 115). В болгарских говорах эта модель передается лексемой *развиделва се* (Koseska-Toszewa, 1972, s. 81). Кроме того, утро может выглядеть как наступление дня и является производным от **днь*: в болгарских говорах *оденва се* ‘о наступлении дня’ (Koseska-Toszewa, 1972, s. 77); в гуцульских - *до дн(’и)* ‘с рассветом, поутру’ (Піпаш, Галас, 2005, с. 49); в поднестр. - *вдодня* ‘с рассветом’ (*мама встайє вдод’н’а*) (Шило, 2008, с. 68), *дидня* (*дідни, дідня*) (*наша мама завше встайут дидн’а*) (Шило, 2008, с. 182).

Все эти модели являются архаичными, о чем свидетельствует их распространение в более широком ареале славянских языков, а также в немецких говорах. Так, для севернорусской языковой территории отмечено сущ. *бело* ‘рассвет, раннее утро’ (ЯОС, 1, с. 49); в северо-западных белорусских говорах также присутствует „цветовая“ мотивация, но серым цветом: *шарая/шэрая гадзіна, шаранька* (*шчэ шаранька*), *шараць*, (*пара ўставаць, ужо шарэе*) (СБГ, 5, с. 462). Такое обозначение представлено и в нижнелужицких говорах *žeh se šeri* ‘светает’ (буквально: день становится серым) (Мука, II, s. 630) и в южнонемецких – *grauen* (делаться серым) (WMF, 2000, s. 80). Это позволяет говорить в данном случае о двух семантических архетипах, сохранившихся в разных частях Славии: один раскрывает образ утра как наступление дня, светлого времени, другой – как окончание ночи. При этом, безусловно, заслуживает внимания в качестве возможного варианта этого семантического феномена отражение контаминации белого и серого цветов в далеком прошлом.

Утро как процесс наступления дня встречается, например, в яросл. *ободнясь* ‘рано утром’, *ободневать* ‘рассветать’ (ЯОС, 7, с. 16). У лужичан зафиксировано выражение *do dña* в значении ‘рано утром’ (Мука, 1, s. 173); в южнонемецких говорах в том же значении *tagern, Tag*

Для болгарских и карпатоукраинских говоров характерна еще одна семантическая модель, представляющая утро как недавнее прошлое. В болгарском языке это *одеве* ‘недавно’ (БЕР, 4, с. 796 – 797); в закарпатских говорах *даві* ‘сегодня утром’ (Сабадош с. 59), в гуцульских *даві* (*давіть*) / *давішнїя* ‘очень рано’, *давішнїий* ‘утренний’, при этом *давнічко* ‘достаточно давно’ (Гуц., 1997, с. 55). Подобное наименование утра текущего дня встречается также словенском языке: *davi* (ЕСУМ, 2, с. 8), оно соотносимо с нижнелуж. *dawětko* ‘недавно, только что’ (Мука, 1, s. 161) и русск. *давеча*.

Семантические особенности характеризуют в исследуемых говорах также выражение представлений о прошлом и будущем. В обыденном представлении носителей современных языков прошлое – это пройденный этап жизненного пути, то, что находится позади. Соответственно, будущее – это то, что ждет нас впереди. В говорах прошлое может быть манифестировано лексемой со значением первый: *перш, перше* ‘ранее, прежде, некогда, когда-то’ и ‘сначала’ (не обладает значением ‘недавно, несколько минут тому назад’) (Дзендзелівський, 1958, с. 33), *первовічний* ‘исконный, первозданный’ (в этом случае *век* – давность) (Гуц., 1997, с. 146); в болгарских говорах *първен, първенеска* ‘когда-то, недавно’ (Koseska-Toszewa, 1972, s. 81).

Таким образом, в тематической группе обозначений времени в болгарских и карпатоукраинских говорах существуют лексические и семантические параллели, часто представленные также в других регионах Славии. К числу этих параллелей можно отнести перенос временных характеристик на пространственные и наоборот; ориентация в процессе именованья месяцев на фенологические и хозяйственные циклы, а не на деление астрономического года на отрезки, содержащие определенное количество дней; обозначения вечера предыдущего дня, производные от ночи; интерпретация времени как поры, подходящей

для тех или иных действий; представление утра как наступления дня, светлого времени суток, а также как периода времени в недавнем прошлом и некоторые другие. На основании географического аспекта распространения этих лексических и семантических феноменов, учитывая известные исторические и археологические сведения о заселении славянами Карпат и Балкан, можно предполагать их древний характер и языковой статус семантических архетипов.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Агапкина, Т. А. (2016)** Карпато-южнославянские параллели в области вербальной магии и их продолжение у восточных славян. // *Славяноведение* №6, С. 3 – 13. (Agarkina T. A. Karpato-yuzhnoslavianskiye paralleli v oblasti verbalnoi magii i ikh prodolzheniye u vostochnykh slavian // *Slavianovedeniye* №6, s. 3 – 13.)
- БЕР (1971-2010)** Български етимологичен речник. Т. 1 – 3. София: Издателство на Българската академия на науките. Т. 4 – 7. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“. 1971-2010. (Balgarski etimologichen rechnik. T. 1 – 3. Sofiya: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite. T. 4 – 7. Sofia: Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov». 1971-2010.)
- Валенцова, М. М. (2012)** Из карпато-балканских схождений в области мифологической лексики. –В: *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах.* М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 345 – 362 (Valenzova M. M. Iz karpato-balkanskikh skhozhdanii v oblasti mifologicheskoy leksiki. -V: *Slavianskii mir v tretyem tysiacheletii. Obraz Rossii v slavianskikh stranakh.* М.: Institut slavianovedeniya RAN, 2012. S. 345 – 362.)
- Гура, А. В. (2013)** Карпато-балканские лексические параллели в свадебной обрядности. // *Славяноведение* №4, С. 60 – 66. (Gura A. V. Karpato-balkanskiye leksicheskiye paralleli v svadebnoi obriadnosti. // *Slavianovedeniye* №4, s. 60 – 66.)
- Гуц. (1997)** Гуцульські говірки. Короткий словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. 232 с. (Guculski govirky. Korotkii slovnyk. Lviv: Institut ukrainoznavstva im. Kripyakevicha NAN Ukrainy. 232 s.)
- Держански, И., Сирук, О. (2017)** Лагонимическая лексика: болгарско-украинские параллели. // *Съпоставително езиковедение, XLII, № 1.* С. 21 – 37. (Derzhansky I., Syruk O. Lagonimicheskaya leksika: bolgaro-ukrainskiye paralleli // *Sapastavitelno ezikoznaniye, XLII, № 1.* s. 21 – 37.)
- Дзендзелівський, Й. О. (1958)** Практичний словник семантичних діалектизмів Закарпаття. Ужгород, 1958. 48 с. (Dzendzelivskiy J. Praktychnyi slovnyk semantichnykh dialektizmv Zakarpattia. Uzhgorod, 1958. 48 s.)
- ЕСУМ (1982-2012)** Етимологічний словник української мови. Т. 1-6. Київ: Наукова думка. (Etymologichnyi slovnyk ukrainskoi movy. T. 1-6. Kyiv: Naukova dumka.)
- Золтан, А. (2013)** Славянские диалекты Карпатского бассейна во время прихода венгров (IX в.) // *Studia Slavica Hung.* 58/1, с. 209 – 218. (Zoltan A. Slavianskiye dialekty Karpatskogo basseina vo vremia prikhoda vengrov (IX v.) // *Studia Slavica Hung.* 58/1, с. 209 – 218.)
- Николаев С. Л., Толстая М. Н. (2001)** Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М.: Институт славяноведения РАН. 232 с. (Nikolaev S. L., Tolstaia M. N. Slovar karpatoukrainskogo torunskogo govora s grammaticheskim ocherkom i obrazcami tekstov. М.: Institut slavianovedeniya RAN. 232 S.)
- Піпаш, Ю., Галас, Б. (2005)** Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород. (Pipash Yu., Galas B. Materialy do slovnika guculskikh govirok. Uzhgorod)
- Сабадош, І. (2008)** Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород. 482 с. (Sabadosh I. Slovnyk zakarpatskoi govirky sela Sokyrnyca Khustskogo rayonu. Uzhgorod. 482 s.)
- СБГ (1979-1986)** Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. Мінск: Навука і тэхніка. (Sloŭnik belaruskіh gavorak paŭnochna-zahodniai Belarusi i yae pagranichcha: u 5 t. Minsk: Navuka i tehknika.)
- Стойчев, Т. (1965)** Родопски речник. –В: *Българска диалектология. Книга II.* София: Издателство на Българската академия на науките. (Stoichev T. Rodopski

- rechnik. –V: Balgarska dialektologia. Kniga II. Sofia: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite.)
- Стойчев, Т. (1970)** Родопски речник. –В: Българска диалектология. Книга V. София: Издателство на Българската академия на науките. (*Stoichev T. Rodopski rechnik. –V: Balgarska dialektologia. Kniga V. Sofia: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite.*)
- Шило, Г. (2008)** Надністрянський регіональний словник. Львів. 288 с. (*Shylo G. Nadnistrianskyi regionalnyi slovnyk. Lviv. 288 s.*)
- ЯОС (1981-1991)** Ярославский областной словарь: учебное пособие. Вып. 1-10. Ярославль (Yaroslavskii oblastnoi slovar: uchebnoye posobiye. Вып. 1-10. Yaroslavl.)
- Koseska-Toszewa, V. (1972)** Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław - Warszawa – Kraków – Gdańsk.
- Мука, А. (1966)** Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. 2 Bände. Budyšin. 1203 s.
- Stachowski, M. (2004)** Karpatyzm leksykalny. // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze. Z. 122, s. 179-188.*
- WMF (2000)** Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg.